

Константин Арсеньев

Дело Рыбаковской

Судебные речи

Константин Арсеньев

Дело Рыбаковской

«Public Domain»

1868

Арсеньев К. К.

Дело Рыбаковской / К. К. Арсеньев — «Public Domain»,
1868 — (Судебные речи)

«Александра Рыбаковская обвинялась в том, что 22 февраля 1866 г. с целью убийства Евгения Лейхфельда, с которым она долгое время состояла в интимной связи, нанесла ему выстрелом из пистолета тяжелую рану в грудь, от которой последний через несколько дней скончался...»

Константин Константинович Арсеньев

Дело Рыбаковской

Александра Рыбаковская обвинялась в том, что 22 февраля 1866 г. с целью убийства Евгения Лейхфельда, с которым она долгое время состояла в интимной связи, нанесла ему выстрелом из пистолета тяжелую рану в грудь, от которой последний через несколько дней скончался.

Сложность настоящего дела состояла в том, что прямых доказательств, свидетельствовавших об умысле Рыбаковской на убийство Лейхфельда, не было. Потерпевший, будучи некоторое время после получения ранения в сознании, сообщил, что Рыбаковская намеренно стреляла в него. По его словам, она не только прицелилась для выстрела, но и выбрала для этого соответствующее положение и хорошенько к этому подготовилась. Показание Лейхфельда запротоколировано не было. Присутствовавшие же при этом его показания свидетели передавали его слова по-разному, что не давало возможности воспроизвести их доподлинно. Подсудимая – Александра Рыбаковская – отрицала виновность в умышленном убийстве. Она объяснила, что убила Лейхфельда неосторожно. По ее словам, это произошло неожиданно для нее, после того, как она зарядила револьвер и хотела его убрать.

Обвинительным заключением действия Рыбаковской квалифицировались как преднамеренные.

Защитник К. К. Арсеньев, всесторонним анализом каждого из свидетельских показаний, обстоятельно показывает отсутствие умысла в действиях подсудимой.

Дело Рыбаковской рассматривалось С.-Петербургским окружным судом 18 октября 1868 г.

* * *

Господа присяжные заседатели! Вы могли убедиться из речи товарища прокурора, что в настоящем деле решение ваше зависит прежде всего от того взгляда, который образовался у вас на слова Лейхфельда. Вы уже могли убедиться, что в настоящем деле нет, собственно говоря, ни одной улики против подсудимой, кроме тех слов, которые различные лица, различные свидетели приписывают покойному Лейхфельду. Здесь мы встречаемся прежде всего с таким важным пробелом, которого не могли пополнить никакие показания свидетелей, – с таким пробелом, который ставит защиту точно так же, как и обвинение, в положение чрезвычайно затруднительное. Вы знаете, что Лейхфельд жил после нанесения ему раны еще 10 дней, рана была нанесена 22 февраля, а умер он 4 марта; вы слышали, что, по крайней мере, по мнению доктора, который его лечил и который должен был, следовательно, доставлять судебной и административной власти сведения о его положении, по мнению этого доктора, больной находился большую часть времени в полном уме и здравой памяти; вы знаете, что несмотря на это к течению 10 дней от него не было отобрано никакого формального показания. Вы слышали, что в самый день привоза Лейхфельда в больницу, когда, по словам главного доктора Германа, Лейхфельд находился в полном сознании, ему было сделано нечто вроде допроса надзирателем Станевичем; но вы знаете вместе с тем, что результат этого допроса не был облечен в установленную форму. На мой вопрос относительно причины такого совершенно непонятного упущения Станевич отвечал, что не считал нужным составлять акт по этому предмету, потому что при показании Лейхфельда были свидетели, фамилии которых он записал. Но вы могли убедиться, что значат свидетели в таком случае, когда надо передать показание лица слабого, может быть, едва говорящего. Если несколько человек вместе слышали слова такого лица и затем должны передать его показание через более или менее продолжительный про-

межуток времени, то вы знаете, что показания свидетелей ни в каком случае, даже при полном их согласии между собою, чего в настоящее время нет, конечно, не могут заменить показания, данного и подписанного формально тем самым лицом, от которого оно отбирается. Я укажу прежде всего на тот факт, что если бы показание, данное Лейхфельдом 22 февраля в день привоза его в больницу, было действительно до такой степени против Рыбаковской, как должно думать, судя по показаниям свидетелей, то незаписание его в протокол становится еще более непонятным, становится совершенно необъяснимым. Когда человек умирающий, человек, которому, может быть, как видно из скорбного листа, оставалось тогда несколько часов жизни, относительно которого не были уверены, что он проживет более двух часов, – когда такой человек дает показание, заключающее в себе одно из самых тяжких обвинений, которые могут только встретиться, то без сомнения на обязанности тех, кто отбирает это показание, лежит немедленно облечь его в ту форму, которая исключает всякое дальнейшее сомнение. Этого сделано не было, и это первый факт, первое обстоятельство, вследствие которого я позволяю себе предполагать, что показание Лейхфельда вовсе не было такого содержания, которое в настоящее время ему стараются приписать. Таким образом, мы поставлены в печальную необходимость собирать совершенно разноречивые сведения о том, что говорил Лейхфельд, из показаний разных лиц, находившихся с ним в различных отношениях, говоривших с ним в разное время и по различным поводам. Товарищ прокурора, соглашаясь с тем, что в этих показаниях существуют во многих отношениях существенные противоречия, старается доказать, что самые эти противоречия должны давать в ваших глазах большее значение этим показаниям, что самые эти противоречия служат лучшим доказательством того, что они даются вполне чистосердечно. Это было бы, может быть, справедливо, если бы противоречия между показаниями свидетелей ограничивались только одними второстепенными, побочными обстоятельствами, но мы видим, что они касаются многих обстоятельств, весьма существенных, весьма важных. Прежде всего припомним, когда, при каких обстоятельствах давал это показание Лейхфельд. Мы знаем, что Лейхфельд был привезен в больницу утром 22 февраля, затем после довольно значительного промежутка был перенесен в перевязочное отделение. Здесь явился старший доктор, и здесь были предложены в первый раз вопросы о том, каким образом случилось известное вам происшествие. Мы знаем из показания Станевича, что он был в Обуховской больнице 22 февраля один раз; мы знаем из показания доктора Германа, подтвержденного самим Станевичем, что он присутствовал при показании, отобранном от Лейхфельда доктором. Мы знаем, что затем Станевич удалился вместе с Рыбаковской из больницы; следовательно, показания Германа и Станевича, по всей вероятности, относятся к одному и тому же моменту; к тому же моменту, по всей вероятности, относятся и показания всех остальных свидетелей, служащих при Обуховской больнице: Николаева, Мамашиной и д-ра Гейкинга. Затем мы открываем с первого взгляда весьма серьезное противоречие между показанием д-ра Германа и показанием свидетеля Станевича: свидетель Станевич утверждает, что Лейхфельд дал положительное объяснение о том, как случилось происшествие, что он обвинил Рыбаковскую не только в совершении самого выстрела, но и в совершении его умышленно, причем объяснил некоторые подробности того, как она совершила выстрел. Как я уже сказал, мы лишены одного весьма важного средства для проверки показания Станевича; он спрошен сегодня в первый раз; если бы он был спрошен при предварительном следствии, то мы имели бы возможность сличить его показание, данное тогда, с тем, которое мы слышали сегодня и тогда, может быть, открыли бы между его показаниями такое же противоречие, как и в показаниях Николаева; этой возможности мы лишены, во должны предположить, что свидетель Станевич через 2 года и 8 месяцев после происшествия, не будучи о том спрошен прежде, не мог сохранить все до крайности мелкие подробности. Кроме того, это показание, в том виде, как оно является перед вами, несогласно с показанием д-ра Германа. По объяснению д-ра, умершему были предложены только три вопроса, из которых, собственно, к обстоятельствам, составля-

ющим предмет настоящего дела, относится только один вопрос, именно вопрос о том, каким образом была нанесена рана, на который Лейхфельд ограничился ответом, что выстрел был сделан не им самим, а Рыбаковской. Если припомнить, что показывал Николаев на предварительном следствии, и если обратить внимание на показание свидетельницы Мамошиной, которая точно также не могла объяснить, был ли, по показанию Лейхфельда, этот выстрел сделан умышленно или неумышленно, то нельзя не прийти к тому заключению, что показание Лейхфельда есть именно то показание, о котором почти единогласно говорят д-р Герман, Николаев и Мамошина, и что в этом показании, данном вслед за привозом в больницу, не заключалось ничего, кроме удостоверения факта, никем не отвергаемого, факта совершенно бесспорного, что выстрел был совершен не Лейхфельдом, а Рыбаковской. Таким образом, я считаю себя вправе считать показание Станевича теряющим всю или почти всю свою силу вследствие явных противоречий, замечаемых между ним и показаниями Германа и отчасти Николаева и Мамошиной. Затем нам остаются показания Грешнера, Розенберга и Феоктистова. О том, к какому периоду времени относятся эти показания, когда происходили разговоры между Розенбергом, Феоктистовым и Грешнером, с одной стороны, и Лейхфельдом – с другой, то есть те разговоры, о которых показывают эти свидетели, – об этом обстоятельстве я буду иметь случай говорить после, теперь же ограничусь указанием одного весьма серьезного противоречия, которое замечается между этими показаниями. По объяснению Феоктистова, Лейхфельд сказал ему, что Рыбаковская выстрелила в него сразу, что она совершенно неожиданно появилась перед ним и вслед затем неожиданно последовал выстрел; по объяснению же Грешнера или Розенберга, рассказ Лейхфельда об этом предмете был совершенно Другой: Лейхфельд не говорил, что выстрел был сделан сразу, напротив того, объяснял, что она несколько раз к нему подходила, несколько раз прицеливалась, говорила ему даже шутя, что выстрелит в него, и только затем последовал выстрел, причем она заряжала пистолет, вкладывала шомпол на его глазах. Таким образом, мы видим между показанием Феоктистова и показаниями Розенберга и Грешнера разноречие весьма существенное, касающееся именно одной из самых важных подробностей того, как случилось происшествие, по словам Лейхфельда, которые передают эти свидетели. Таким образом, господа присяжные заседатели, этот первый образ показаний, данных по поводу слов, сказанных Лейхфельдом, должен, мне кажется, привести к тому убеждению, что показания эти ни к какому твердому, положительному выводу привести не могут, что они не только не могут заменить собой показание, которое было бы подписано самим Лейхфельдом, но даже не могут сравниться с ним. Затем между показанием лица, данным им формально перед судебной властью, с знанием, что это показание будет иметь характер улики, и словами лица, сообщающего сведения в частном разговоре, есть громадная разница. Когда я даю формальное показание перед судебной властью, тогда я взвешиваю каждое мое слово, в особенности по такому важному предмету, как настоящее дело; когда же я говорю с частным лицом, мне нет надобности обдумывать, взвешивать каждое слово, я могу высказывать свои предположения и выдавать их за факты, в моих глазах очень достоверные, я могу напирать на такие обстоятельства, в которых сам несовершенно убежден. Таким образом, если бы Лейхфельд давал свое показание перед судебной властью или перед полицией формально о том, как происходило дело, то весьма, может быть, скажу даже более, наверно, рассказ Лейхфельда представился бы вам совершенно в другом виде, нежели тот, в котором он является теперь, в отрывках, ничем почти не связанных, из показаний свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.